

ЭТНОГРАФИЯ СЕВЕРА

Н. С. Гончаров

ЭЛЕМЕНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕСТА, ДВИЖЕНИЯ, РИТМЫ И РЕСУРСЫ*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются методологические вопросы, связанные с изучением процессов производственной деятельности. В основу работы легли полевые материалы, собранные автором в 2018 г. в пос. Жиганск, Республика Саха (Якутия). Данный населенный пункт находится на среднем течении реки Лена, что определяет его хозяйственно-экономическую и социально-культурную специфику, которая в наиболее общем виде может быть выражена следующими словами: «уже не материк, но еще не остров». Основным исследовательским приемом выступает компонентный анализ деятельности, рассмотренной через сочетание мест, движений, материалов/ресурсов и ритмов. Применяя данный подход к этнографическому материалу, автор сталкивается со специфическими свойствами этнографических объектов и социальной морфологии, которые предполагают рассмотрение не изолированных производственных процессов, но связанных последовательностей сочетаний элементов деятельности. В итоге, автор приходит к выводу, что при данном подходе мы фиксируем любопытный факт сочетания в процессе человеческой (но не только человеческой) деятельности объектов и условий совершенно разной природы: определяемых и не определяемых метрически, геометрически, «культурно» и т.д. Подобное замечание, по мнению автора, требует поиска исследовательских методов, дающих возможность обнаруживать, описывать и понимать связанности разнородных элементов, позволяющих деятельности человека существовать; и, что не менее важно, требуется работа над инструментарием для адекватного исследования самой разнородности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: производственная деятельность, элементы, места, движения, материалы, ресурсы, ритмы

УДК 394

DOI 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-220-231

ГОНЧАРОВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ — м.н.с. отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: nikola.gon4arov@yandex.ru, gonni@kunstkamera.ru

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00309).

В антропологии и этнографии существуют разные варианты анализа исследовательских объектов, и в данном случае мне хотелось бы уделить внимание деятельности человека с точки зрения ее компонентного состава. Идея сложносоставной природы исследуемых этнографом объектов (назовем то, что изучает этнограф, «объектом»), хотя в данном случае это слово обозначает скорее лишь наличие некой области внимания этнографа, не раскрывая эпистемологической природы изучаемого) отнюдь не нова. В контексте статьи следует назвать работы Бруно Латура (Латур 2014) и Джейн Беннет (Беннет 2018), в которых авторы занимаются изучением специфики группообразования в широком социальном смысле («социальном» по Тарду /Tarde 1969/). Нас интересует не столько концепт группы (сети, ассамбляжа и пр.) и логика его складывания, хотя указанные аспекты (особенно второй) представляют большой интерес в рамках статьи, сколько то, что позволяет феномену (в нашем случае — производственной деятельности) быть, а также те склейки элементов, которые появляются в результате (и/или в процессе) существования данного феномена, но которые, однако, настолько «подогнаны» друг под друга, что их выделение требует отстранения от феномена. Цель статьи — рассмотрение методологических аспектов изучения процесса производства через призму слагающих его элементов. В качестве таковых мы избрали следующие элементы: места, движения, материалы/ресурсы и ритмы, примеры которых были собраны нами в ходе полевой работы в июле 2018 г. на территории пос. Жиганск Республики Саха (Якутия). Компонентов может быть больше, они могут меняться в зависимости от целей и задач исследования. Как нам кажется, перечисленные параметры вполне подходят для решения поставленной в рамках статьи задачи — поиска метода исследования.

Тим Ингольд, отвечая на вопросы Камни Гилл относительно некоторых аспектов ландшафта и затрагивая такую его единицу, как дерево, заметил, что достаточно трудно определить, где оно заканчивается и начинается остальной мир (Ingold 2014: 51). Дерево оказывается неотделимым от почвы, из которой оно произрастает, от прилетающих к нему птиц, кипящей жизни насекомых в его коре и даже людей, прячущихся в тени его ветвей от палящего солнца. В таком случае каждое дерево представляет собой не точку, но узел, образуемый переплетенными нитями, концы которых простираются в разные стороны в поисках других нитей, и жизнь в целом может восприниматься как переплетение (meshwork) (Ingold 2014: 51). Нам представляется важным здесь обозначить проблему масштаба (масштабируемости) объекта исследования: если мир — это переплетение, то встают вопросы, каким образом увидеть и выделить исследовательский объект, что мы фиксируем, когда производим описание изучаемого феномена? На наш взгляд, концепт ритма, разработанный для исследования социального контекста А. Лефевром (Lefebvre 2004), является важным инструментом решения упомянутых задач и будет подробнее рассмотрен ниже.

В первую очередь нас интересует производственная деятельность в силу того, что она позволяет рельефно показать, как собираются и задействуются разные слагаемые: пространство, время, добыча/производство необходимых материалов, субъективные переживания, стереотипы, приемы работы и т. д., а также их рекомбинации в зависимости от времени года, общественного спроса, особенностей жизни поселка, планеты в целом и иных параметров. При компонентном подходе значимыми становятся техники реализации целей, предполагаемых тем или иным видом деятельности, а для анализа появляются новые компоненты и объекты, ускользающие с иных точек зрения. Например, «актерами» становятся место производства (поскольку в ином месте конкретная деятельность, например косторезный промысел, характеризовалась бы отличными от ожидаемых результатами); движения (совершаемые человеком в зависимости от использования

различных инструментов и без них; их физиологические и культурно-специфические особенности; связь движений с местом и т. д.). Специфика движений тоже становится важным, необходимым и неотделимым от определенной практики условием. Выделение ритма в качестве исследовательского объекта не просто дает возможность смотреть как на целостность на предмет, место, технику изготовления и так далее, но и позволяет исследовать ритмические цепочки — целостности, объединяющие предметы, людей, природные циклы, политические установки, традиции обращения с предметами и пр. Таким образом, в качестве исследовательского инструмента (и одновременно объекта) мы используем такую форму, как ритмизация/ритм, которая по своему определению указывает на множественность взаимосвязанных в пространстве и времени компонентов, а сама эта множественность может выступать как «объект».

ДВИЖЕНИЯ, МЕСТА, РЕСУРСЫ/МАТЕРИАЛЫ

В данном контексте мы рассмотрим телесные действия и движения. Человек владеет широким спектром форм и вариантов механических движений, набор которых меняется с течением жизни (Привес, Лысенков, Бушкович 2006: 36–42). «В технической машине производимые ею движения предопределены раз и навсегда формой сочленения между движущимися частями. Напротив, двигательный аппарат человека построен так, что из одних и тех же структурных единиц — костей, суставов, связок, мышц — может быть образовано множество различных механизмов с необычайным богатством, плавностью, разнообразием движений...» (Привес и др. 2006: 254). Очевидно, что данный крайне широкий набор действий не требуется человеку в его повседневной жизни (как не требуется использование в рамках одной беседы всего словарного запаса), состоящей из вполне ограниченного набора практик с соответствующими движениями.

Между вариантами движений и другими элементами, выделенными нами, существует взаимосвязь. Так, в некоторых местах имеется официальная, выраженная в форме прямых предписаний регламентация поведения, предписывающая определенные телесные движения или строго ограничивающая их вариации (Лич 2001: 63).¹ Кроме того, существуют места, сами по себе предполагающие определенные телесные движения, где нет формальной социально-культурной регламентации (или она, скорее, накладывается «поверх» этой среды), но есть навык, умение, которые проявляются через соответствующие движения (определенный тип движения в воде, в горах и т. д.). Следовательно, можно различать культурные и физические предписания, связанные с особенностью места. Также важна специфика движений, обусловленная производственной деятельностью и предполагающая соответствующие пространственные условия. Перечисленные варианты мест связаны с ограничением уместных движений. Таким образом, в контексте конкретного пространства (с учетом реализации определенной деятельности) не может быть реализовано любое произвольное движение, поскольку наличествуют достаточно строго определенный набор движений и их последовательность. Сюда же вплетаются м а т е р и а л ы / р е с у р с ы : материал, как и место, предполагает специфические способы взаимодействия с ним. Во-первых, он изначально по своим физическим характеристикам требует соответствующего подхода; во-вторых, в контексте

¹ «Однако упорядоченность человеческой культуры — это не просто статичное топографическое расположение рукотворных предметов, это и динамичная последовательность сегментированных, ограниченных во времени явлений, каждое из которых связано с определенной местностью в преобразованном человеком пространстве. Сон, умывание, приготовление и поедание пищи, работа... являются не только социально детерминированными действиями, происходящими в разное время в предсказуемом порядке, это еще и действия, осуществляемые в разных местах, соотносящихся друг с другом в предсказуемых конфигурациях. Каждое место обладает специфической функцией, которую защищает табу» (см.: Лич 2001: 63).

деятельности, т. е. в связке, материал определяет дополнительную специфику пространственно-механического контекста.

Анри Лефевр исходя из формы деятельности выделял четыре типа локусов: фиксированные, полуфиксированные, мобильные и вакантные, — и писал, что «если труд, в том числе определенная часть домашнего пространства (готовка), требует устойчивых локусов, то ни сон, ни игра не предъявляют таких требований» (Лефевр 2015: 353–354). Место оказывается неразрывно связанным с наличием конкретных движений и материалов (важно, что эта корреляция не исчерпывается производственно-функциональными аспектами, рассматриваемыми в рамках статьи).

РИТМ

В работе, посвященной исследованию ритма, Лефевр отметил: «Везде, где есть взаимодействие между местом, временем и расходом энергии, существует ритм» (Lefebvre 2004: 15). Ритм — это более общее понятие и явление по сравнению с рассмотренными выше элементами, то, что связано с сериями, циклами, объединенностью, регулярностью. Наличие ритма подчеркивает (определяет) исключение случайных факторов: там, где есть ритм, нет единичности, но всегда есть связь разных элементов — социальная жизнь характеризуется постоянным совпадением различных ритмов — тела, материала, актуализации мест, ресурсов и т. д. Разные ритмы связывают различные элементы и группы элементов (Lefebvre 2004: 89, 100).² Возможно, ритмы — это более сложная (в плане содержания и реализации) категория, не столь «вольная» по сравнению с движениями, потому что если можно совершить произвольные движения в «непригодном» для этого месте (физически), то вряд ли могут существовать неподходящие для места ритмы (так как ритм требует для своего существования «соответствующей» устойчивой среды, в то время как для произвольного действия эта среда необязательна). Таким образом, утверждение, что какое-либо место связано с определенной ритмичностью, показывает, что во внимании оказывается социальная практика, а не единичное действие, поскольку ритм относительно устойчиво связывает разные явления.

Далее я обращусь к своему полевому опыту на реке Лене летом 2018 г., чтобы кратко проиллюстрировать сказанное. Экспедиция проходила в поселке Жиганск, основанном в 1632 г. (в один год с Ленским острогом, позднее ставшим Якутском) Алексеем Архиповым и Лукой Яковлевым и являющемся центром одноименного района. Жиганск производит впечатление очень живого, энергичного населенного пункта, по которому постоянно перемещаются люди, автомобили, собаки. Численность населения поселка на 2018 г. составляла 3399 человек (Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г.), несмотря на то что количество людей сокращается, процесс этот сравнительно незначителен (в 2017 г. в поселке проживало 3404 человека (Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г.), в 2010 г. — 3420 /Всероссийская перепись населения 2010 г.: табл. 5/).

² Лефевр выделял разные варианты ритмов: полиритмию (сосуществование различных ритмов, в большей степени констатирующее их наличие, чем обозначающее соотношенность), эвритмию (гармоничную соотношенность различных ритмов, образующую некое единое состояние, например здоровое состояние организма), аритмию (нарушение нормального состояния соотношенности ритмов, патологию). См.: (Lefebvre 2004: 16, 20, 41). Также он выделял «скрытые» («secret») ритмы, например ритмы тела; «общественные» (public) ритмы, выражаемые, в частности, в праздниках, календарном течении времени и пр.; «фиктивные» («fictional») ритмы — «мнимые» ритмы, связанные со знаками, словами, процессами обучения; и «dominating-dominated» ритмы (название которых я затрудняюсь перевести), нацеленные на объекты, лежащие вне их самих: музыка, речь (Lefebvre 2004: 18). Кроме того, исследователь писал о «линейных» и «циклических» ритмах, утверждая, что в социальной практике преобладают первые (см.: Лефевр 2015: 205).

В поселке находится аэропорт, который в советский период связывал север Якутии и был транспортным узлом, откуда можно было улететь, например, в Оленёк или Тикси. Более того, в 1980-е годы, по словам некоторых информантов, из Жиганска был осуществлен рейс в Грузию и обратно. В настоящее время штат аэропорта (или, как называют его местные жители, «порта») сократился более чем в четыре раза (приблизительно 150 человек против бывших примерно 750) и улететь можно лишь в Якутск. Так или иначе, в сам Жиганск (или из него) из Якутска добраться достаточно просто (расстояние между населенными пунктами 610 км): в летнее время ходит теплоход, зимой оборудован зимник, круглогодично летают самолеты. Инфраструктура в поселке весьма развита, там находятся школа, детские сады, интернат, построены новое здание районной больницы, дом культуры, библиотека, исторический музей, котельная, нефтебаза, отделение полиции, суд, банк, почта, большое количество частных магазинов, впечатляющее своим масштабом здание районно-поселковой администрации. Население занято в бюджетной сфере и в торговле. Существуют бригады оленеводов, практически круглогодично проводящие время в Верхоянских горах. Важную роль играют рыболовство и охота, которыми занимаются практически все мужчины. Промысловую добычу местные жители оставляют для себя, делятся ею с родственниками, продают по налаженным каналам или сдают в специальные пункты приема, создаваемые государственными предприятиями. По рассказам информантов, до 1991 г. многие в поселке держали крупный рогатый скот, однако на 2018 г. количество скотоводов сократилось до двух семей. Местное население, представленное в основном эвенками и якутами, сохраняет некоторые виды характерной ремесленной деятельности. Остановимся на этом подробнее.

К о с т о р е з н ы й п р о м ы с л. В поселке проживает лишь один мастер — Е. И. Сначала он учился в Жиганске в профессиональном училище на резчика по кости, затем переехал в Якутск, где изучал ювелирное дело. В настоящий момент ведет косторезный кружок для детей (три раза в неделю по полтора часа), а также преподает живопись, рисунок, историю искусств. Мастерская расположена в помещении бывшего музея первого президента республики М. Е. Николаева. Е. И. и его ученики участвуют в выставках как регионального, так общероссийского и международного уровня.

Варианты деятельности, связанной с косторезным промыслом, в Жиганске представлены тремя процессами: профессиональное творчество Е. И., обучение детей (и некоторых взрослых), а также работа его учеников. Место деятельности строго определено — это бывший музей, который передали в пользование Е. И. В настоящий момент он переоборудован под мастерскую: имеются необходимые инструменты, места для работы, там же хранятся материалы. Е. И. сказал, что хотел бы открыть мастерскую-школу на другом берегу Жиганска, для того чтобы детям не приходилось проделывать долгий путь в зимнее время и в непогоду, однако пока это неисполнимо. Специфика косторезного ремесла заключается в использовании бормашины, которая приводит к обильному образованию пыли, что делает крайне неудобным данный вид деятельности в домашних условиях. Как сказал в интервью Е. И., он хочет установить в мастерской вытяжку, поскольку пыль вредна для здоровья, особенно детей. Движения резчика определяются навыком владения бормашиной, специальными ножами, сверлами и пилами. Е. И. для создания одного изделия требуется три дня, в то время как его ученикам — месяц. Основными материалами выступают кости и рога оленя (приобретаются у местных охотников), а также мамонтовая кость (покупается в Якутске). По словам информанта, он пошел именно в косторезы, а не в ювелирное дело, потому что проще найти необходимый материал, а также требуется гораздо меньше инструментов (ПМА 2018).

Косторезное дело в поселке связано с особенностями природных, внутренних и внешних социальных ритмов. Обучение длится всего год, с сентября по май, происходит оно в группах по пять человек, юноши и девушки занимаются раздельно. Обучение в мастерской соотнесено со школой, чтобы дети могли успевать ходить в кружок. Помимо преподавания, Е. И. занимается изготовлением произведений, с которыми участвует в республиканских, всероссийских и международных выставках. Также он отметил, что в настоящее время все предметы идут на продажу — в магазин (принадлежащий Е. И.), приезжающим туристам, кроме того, изделия из кости заказывает администрация, местные жители — к праздникам, юбилеям и т. д. Таким образом, ритмы косторезного производства в Жиганске вписывают данный промысел в социальный (и природный) контекст: от общих ритмов (смена дня и ночи, времени года) до узких — динамика спроса на продукты труда со стороны приезжих туристов, местного населения (праздники, дни рождения), ритмы образовательного процесса, динамика отношений с администрацией (которая, во-первых, во многом определяет условия работы мастерской, а во-вторых, является заказчиком) и т. д. (ПМА 2018).

Кузнечество, сварка. А. Х. родился и вырос в Жиганске. Закончил курсы по кузнечному делу и уже в течение 20 лет работает сварщиком в поселке. Помимо основной работы, он занимается изготовлением ножей и сваркой для дополнительного заработка. Около дома А. Х. оборудовал кузницу. Его деятельность (вне основной работы) во многом определяется потребностями поселковых жителей: кому-то нужно починить снегоход, мотоцикл, изготовить прицеп, нож и пр. По телефону и через мессенджер WhatsApp он консультирует мастеров из других населенных пунктов. А. Х. известен в Жиганске и Якутии как мастер по изготовлению ножей — его изделия неоднократно получали награды на республиканских конкурсах.

Рассмотрим элементы производственного процесса. Местом работы является кузница и околокузнечное пространство, оборудованные на расстоянии примерно 10 м от дома, у забора. В кузнице расположены горн, электрическое поддувало, наковальня, молотки, микроволновая печь для сушки дерева. Там же находятся некоторые изделия: пешня, инструмент для выделки шкур и др. Для того чтобы обучиться данному ремеслу, А. Х. закончил курсы по кузнечному делу, постоянно читает профессиональную литературу, внедряет новые техники, о которых узнает в основном из Интернета. Спектр его сварочных навыков характеризуется выполнением ручной, дуговой и электросварки. Как сказал А. Х., если сваркой в поселке владеют многие, то плавильный горн есть только у него. Для производства А. Х. закупает болванки (через Интернет), перерабатывает использованные металлические изделия, иногда сами заказчики предоставляют необходимые материалы. Тщательно изучает материал посредством литературы (по металлургии, материаловедению). А. Х. в ходе беседы заметил, что хотел бы повысить свой навык в ремесле посредством общения с металлургами-теоретиками, поскольку металлургия, по его словам, это основа любого дела по работе с металлом.

Помимо специфических ритмов, свойственных ремеслу (внутренние ритмы, определяемые свойствами материала и пр.), А. Х. тесно связан с ритмами поселка — наплывами туристов, праздниками, хозяйственными циклами, которые, в свою очередь, зависят от времени года, экономических условий и некоторых других факторов. Также посредством Интернета А. Х. реализует свои изделия в Новосибирске, Москве и других городах. В условиях достаточно изолированного положения поселка, высоких цен на продукцию в магазинах — металлические изделия, например нож или прицеп для бурана, оказываются крайне важными предметами в жизни местного населения, а умение их создавать и чинить — ценный и необходимый навык. Кузнечное дело, в отличие от сварки, по причине особенностей производственного процесса освоить гораздо сложнее, поэтому и фигура А. Х. в Жиганске в некотором смысле уникальна.

Как в первом, так и во втором случае перечисленные элементы промыслов представляют неразрывную связь, и без какого-либо из них реализация промысла была бы невозможной. Так и ритм напрямую связан и влияет на реализацию деятельности, в нем отражены транспортная ситуация в регионе, финансовое положение населения, демографическая динамика и прочие факторы (ПМА 2018).

Завершая примеры из жизни Жиганска, рассмотрим два гаража В. Т.: в первом находится техника, автозапчасти, снегоход, установлена самодельная печь, там же осуществляется производственная работа по металлу, зимой туда ставят автомобиль. Во втором хранятся промысловая одежда, сети, разрубочная колода, патронташ и т. д. Логически и практически к гаражам примыкает околוגаражное пространство, где лежат многочисленные металлические предметы, используемые братом В. Т. в сварочных работах. Это место, особенно подход к дверям гаража, охраняется собаками.

Гараж представляет собой многофункциональное пространство: в нем возможны различные движения, наличие предметов, относящихся к разным видам деятельности, а для конкретного вида деятельности выбирается определенное место внутри более крупного пространства гаража. Таким образом, в «гаражной» деятельности связь места, движений и материалов не такая строгая и однозначная, как в рассмотренных выше примерах. Конкретные связи, их «высвечивания» определяются ритмами социальной жизни хозяина гаража: чередованием сезонов охоты, рыбалки, подготовки к ним, зимой, летом и т. д. В отличие от косторезной мастерской и кузницы, гараж входит в хозяйственную жизнь Жиганска «индивидуально», поскольку не связан с общественным интересом, следовательно, это предполагает и большую функциональную свободу в плане использования данного пространства (любопытно, что в случае с косторезной мастерской ее функциональный статус закреплен юридически, формально, поскольку администрация передала это здание именно под косторезную мастерскую) (ПМА 2018).

В отношении общих ритмов поселка следует отметить наличие летних и зимних вариантов. Информант В. Т. заметил, что в основном общественная и «культурная» жизнь (спорт, соревнования, концерты и пр.) здесь приходится на зимнее время. Летний сезон предполагает две стратегии действий: во-первых, многие уезжают в санатории, на курорты и т. п. (так, в семье В. Т. на момент нашей беседы отсутствовали 11 человек: дети, жена, родители, брат и другие родственники). Во-вторых, В. Т. сказал, что кто-то должен «готовить сани летом», и поэтому он остался в поселке, поскольку необходимо успеть произвести ремонтные работы, приобрести технику и продукты, в общем, подготовиться к зиме. М. Мосс писал, что для европейского городского общества характерны следующие ритмы — зимой люди напряженно работают, а летом — отдыхают, отправляясь в рекреационные зоны. Для сельской местности, наоборот, в летнее время характерна напряженная работа, в то время как зима характеризуется более расслабленным состоянием общества и меньшим напряжением социальных сил (Mauss 2006: 78). В таком случае, по Моссу, Жиганск существует в урбанистических ритмах. Однако данное утверждение нельзя распространить на всех жителей поселка. Как показывает пример В. Т., в пределах одной семьи уезжают не все, кто-то остается и занимается хозяйственными делами. Тем не менее в целом эти ритмы действительно значимы, и через них в наиболее общем виде может быть охарактеризована поселковая жизнь.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Особенность подхода, связанного с разделением деятельности на компоненты, заключается в том, что он позволяет отойти от объектного рассмотрения таких категорий, как орудия труда, его результаты, предметы быта, в пользу фиксируемых комбинаций (если, с одной стороны, здесь

обнаруживается большая универсализация, когда приводимый подход может «захватить» совершенно разнородные элементы, то, с другой стороны, для полноценной реализации этого приема требуется учитывать как можно больше конкретных, практических факторов, слагающих факты и объекты, поэтому важной оказывается полевая работа). На практике формирование комбинаций происходит в момент деятельности, например когда косторез работает в мастерской над изделием. В таком случае возникает вопрос, что происходит в то время, когда косторез рыбачит или спит? Тогда «узлы» (по Т. Ингольду / Ingold 2014: 51/) конкретной деятельности развязываются, но при следующем посещении мастерской они снова свяжутся тем же способом (может быть, с незначительными изменениями). В этом отношении вновь встает вопрос о том, что это значит: комбинация организуется именно таким образом, какие условия делают данное сочетание возможным? С одной стороны, сочетания элементов возможны благодаря памяти человека, реализующего производственные практики. Однако можно предположить, что память находится не только в голове человека, вовлеченного в производственную практику. Память присутствует в состоянии самого общества, которое заинтересовано в том и связано с тем, что производится, т. е. общественная «морфология» и «физиология» (Дюркгейм 1995: 275–276) включают в себя эти связки элементов — комбинации, которые и образуют более крупную целостность. На общество в таком случае также можно посмотреть морфологически: выявляя, из каких элементов оно состоит, мы увидим, что крупные сферы (экономические, юридические, образовательные) формируются из более мелких комбинаций. Таким образом, перед нами оказывается не абстрактная форма, а подвижная совокупность различных элементов. И тогда можно сделать предположение: память о малом, о «структурных единицах» локализуется во всей целостности, этими малыми единицами формируемой. Важен аспект встроенности сочетаний в более широкий (или, наоборот, мелкий) морфологический контекст. Память оказывается распределенной по всему обществу, которое воспроизводит это знание в том числе через деятельность людей и групп (они в определенных своих функциональных ролях — кузнец, косторез, рыбак — или наличием самой группы, например чиновничества, выступают проявлением «памяти»).

В качестве гипотезы мы утверждаем, что «памятью» обладает и морфология деятельности, которая «привлекает» людей, «вовлекает» их в себя, «учит» заниматься такими же комбинациями, воспроизводящими и поддерживающими существующую компонентную структуру. В этом плане проявляется дополнительное измерение — субъективное, когда человек выбирает вид деятельности исходя из личных предпочтений, отнюдь не всегда продиктованных утилитарными соображениями. У человека может быть склонность к определенной деятельности, талант, его могут привлекать, например, эстетические аспекты профессии (что характерно для костореза и ювелира Е. И.). Деятельность может поглотить человека, стать образом жизни и способом мышления. Так, кузнец А. Х. рассказал в интервью, что наибольший интерес для него представляет чтение профессиональной литературы, общение с мастерами-металлургами или кузнецами. Примечательно, что А. Х. ценит именно профессиональное общение, когда человек может «разговаривать» через производимые вещи, и чем искуснее изделие, тем интереснее «разговор». В финальной части интервью А. Х. сказал, что мечтает «сделать северный лук», обладающий, по его словам, исключительными физическими характеристиками. Для достижения цели он знакомится с музейными коллекциями, тщательно изучает литературу, осваивает приемы изготовления более простых вариантов луков, постепенно совершенствуя свои навыки (ПМА 2018). Таким образом, приведенный здесь материал свидетельствует о том, что деятельность (т. е. сочетание компонентов) способна воспроизводиться еще и потому, что попадает в поле субъективных

переживаний человека, привлекая его соответствующими аспектами, впечатываясь в человеческую память эмоционально.

Одним из основных является вопрос о соединении разных элементов. Существует множество ритмов, их объединяющих: ритм конкретной деятельности, ритм более общей социальной практики, ритм организма человека и пр. Эти связи актуализируются в различные временные промежутки (периодичность актуализации включена, «защита» в понятие ритма). Связка элементов — это комбинация. Происходит постоянное оттачивание элементов комбинаций и самих сочетаний для достижения цели деятельности — процесс, связанный с различными параметрами, среди которых: а) жесткость функциональной сцепки элементов (в наших примерах гараж наименее жестко связан с видом деятельности, кузница — в наибольшей степени); б) вопрос о том, существуют ли виды деятельности, в которых одни компоненты строго детерминированы, в то время как остальные проявляют большую вариабельность, например, место определено строго, а движения или материалы — нет. Из приведенных примеров этим условиям соответствует гараж. Однако гараж как место деятельности характеризуется сцепкой с другими конкретными элементами, таким образом, в данном примере проявляется не столько гибкость других элементов (движений, ресурсов, ритмов), сколько возможность одних и тех же компонентов входить в разные сочетания (в гараже производится ремонт техники, подготовка сетей для рыбной ловли, просушка промысловой одежды и пр.; косторезная мастерская используется для индивидуальной работы мастера и обучения косторезному ремеслу детей, а также как место для преподавания других дисциплин, например рисунка и живописи). Функционирование кузницы и пространства рядом тоже варьирует — там реализуются и кузнечество (изготовление ножей), и сварка (прицеп для снегохода); материалы в целом общие — металл, но разнятся в деталях (и чем более детализирована связка, в частности «материал — движение», тем выше профессиональный уровень мастера).

Ритм в данном случае — это группа элементов, образующая целостность, проявляемую при реализации деятельности в определенной временной конфигурации. Эти элементы функционируют неодновременно, в соответствии с логикой процесса, но свидетельствуют о корреляции разнородных элементов: наступления лета, приезда туристов и движения людей со своими изделиями в места торговли (а также предварительного процесса их изготовления). Ритм контекстуализирует процесс (более частое изготовление ножей, т. е. использование отобранных ресурсов, движений, мест, микроритмов, связано с наличием Интернета, заказов из других городов и т. д.), делает возможным существование целостности, состоящей из нескольких элементов, во временном измерении (ритм как темпоральная конфигурация).

Производственная деятельность может быть охарактеризована как существующее в определенных ритмах сочетание места и действий по поводу определенных ресурсов. Закрепление связки социально маркируется, о чем свидетельствуют порицание за неподходящие в определенном пространстве действия, нестыковка места и материала и пр. (Мэри Дуглас писала, что грязь — это когда что-то находится не на своем месте, как это представляется людям /Дуглас 2000)/.)

Выявление сочетаний, образующих деятельность человека, актуализирует проблему объекта/предмета этнографической/антропологической работы. Встает вопрос, возможно ли это исследование, если этнограф работает лишь с определенным «масштабом», изменение которого приводит к тому, что объект, рассматриваемый ранее как цельный и независимый, становится компонентной частью более широкого объекта или ритма. Как нам кажется, эта особенность не делает исследование невозможным, однако показывает, что исследовательский результат не представляет собой окончательной и застывшей констатации, а является ожидающим, одновременно действенным

и потенциальным. Он двойствен (или множествен) с этой точки зрения: с одной стороны, его достигли и зафиксировали, но с другой — он может быть деконструирован, встроен в более общую (или, наоборот, детальную) концепцию и пр. В таком случае исследование отвечает беспокойной и неустойчиво-неопределенной «природе» исследуемого (Mauss 2004: 78–79). Комбинация элементов деятельности открывает морфологическую перспективу, обладающую не столько социальной, сколько смешанной спецификой, поскольку в нее включены физиологические особенности человека (ритмы и специфика его тела и пр. /Лефевр 2015: 2005; Мосс 2011: 304–326/), в некоторых случаях — природная среда, ресурсы и инструменты, обладающие своей логикой и агентностью.³

Обращая внимание на сочетания условий производственного процесса, мы получаем возможность смотреть как на единый объект на то, что имеет особое свойство — рассредоточение во времени. Такая возможность достигается через использование ритма, т. е. мы рассматриваем не просто косторезный промысел, но 1) конфигурацию элементов, 2) имеем дело с временным изменением этой конфигурации. Следовательно, косторезный промысел, гараж не рассматриваются как изолированные разнородные явления, но вплетаются в цепочки взаимообусловленных последовательностей связок элементов. Например, связка некоего места в лесотундре, стрельбы из ружья (как движение и ресурс) в сезон охоты (ритм) приводят к появлению материала для косторезного промысла — оленьих костей и рогов. Далее складывается новое сочетание, которое мы рассмотрели выше, — уже вокруг косторезной мастерской. В результате появляется косторезное изделие. После Е. И., возможно, придет на набережную, принеся это произведение уже как товар, и совершит движение — продаст его, а придет он на пристань в определенное время — в момент приезда туристов в Жиганск на теплоходе «Степан Аржаков» и т. д.

Получается, что сочетание элементов здесь и сейчас связано и обусловлено иными (предшествующими и последующими) конфигурациями, образующими динамические последовательности сочетаний компонентов. Они расположены в синхронном (одновременное соотношение элементов) и диахронном (последовательное соотношение) измерениях.

Таким образом, рассмотрение процесса производства через призму формирующих его компонентов на примере жиганского материала приводит нас к нескольким следствиям: а) производственная деятельность не выступает как изолированное явление, но оказывается вплетенной в жизнь общества; б) эта вплетенность выражается в динамических последовательностях сочетаний элементов (места, движения, ресурсы), объединенных через ритм; в) последующее сочетание элементов (и наличие самих элементов) связано с предыдущим сочетанием; г) жизнь общества может быть рассмотрена как соотношение различных ритмов. В начале статьи мы писали, о том, что компонентный подход позволяет выделить «новые акторы»: движения, места, ресурсы и ритмы, — вернее, посмотреть на известные категории в ином режиме (актантности, агентности), однако следует указать, что эти акторы неоднородны, т. е. они не выстраиваются в некую сеть с равнозначными (гомологичными) единицами. В данном случае, скорее, следует говорить о сочетании совершенно разных «объектов» (конечно, это не объекты в строгом смысле, потому что они могут существовать лишь в связках) разного происхождения, модальностей существования и прочего, например, если можно измерить материальный ресурс (сырье для изготовления ножа) с точки

³ Интересно выделение таких агентных объектов в англоязычной литературе под термином «не-люди» (nonhumans) (см.: Olsen 2003; 2007; 2010; Webmoor 2007; Witmore 2007). Тим Ингольд пишет, что часто термин «nonhumans» используется как замена таким определениям, как «made objects» или «artifacts», но, по его мнению, сюда же следует относить и все виды живых организмов (Ingold 2012: 439).

зрения его размера, массы, состава, то такой же анализ движений представляется затруднительным. Место или движение (как и иные рассмотренные элементы) в контексте производственной деятельности представляют не устойчивые акторы, но части, неотделимые от целого, их организующего (от деятельности). В качестве метафоры здесь подходит не сеть: точки и связи, но проявление, реализация комбинаций, соорганизованных физически, технологически и онтологически.

Как нам кажется, изменение взгляда на устоявшиеся объекты приводит к пересмотру этих объектов, открывает иные перспективы их осмысления. Взгляд на процесс производства через сочетание элементов дает дополнительный инструмент упорядочивания социальной жизни, который, наряду с другими подходами, позволяет увидеть жизнь исследуемой группы людей более объемно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2018. Поселок Жиганск, Республика Саха (Якутия).
- Анатомия человека / под ред. М. Г. Привеса, Н. К. Лысенкова, В. И. Бушковича. СПб., 2006.
- Беннет Д. Пульсирующая материя: политическая экология вещей. Пермь, 2018.
- Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
- Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 275–276.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
- Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.
- Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература, 2001.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2014.
- Ingold T. Toward an Ecology of Materials // Annual Review of Anthropology. 2012. № 41. P. 427–442.
- Ingold T. In conversation with Tim Ingold // Journal of Landscape Architecture. 2014. № 92. P. 50–53.
- Lefebvre H. Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life. London, 2004.
- Mauss M. Seasonal Variations of the Eskimo. A Study in Social Morphology. London; New York, 2004.
- Olsen B. Material culture after text: remembering things // Norwegian Archaeological Review. 2003. № 36. P. 87–104.
- Olsen B. Keeping things at arm's length: a genealogy of symmetry // World Archaeology. 2007. № 39. P. 579–88.
- Olsen B. In Defense of Things. Plymouth, UK: Altamira, 2010.
- Tarde G. On Communication and Social Influence. Selected Papers. Chicago, 1969.
- Webmoor T. What about «one more turn after the social» in archaeological reasoning: taking things seriously // World Archaeology. 2007. № 39. P. 563–578.
- Witmore C. Symmetrical archaeology: excerpts from a manifesto // World Archaeology. 2007. № 39. P. 546–562.

ELEMENTS OF ACTIVITY: PLACES, MOVEMENTS, RHYTHMS AND RESOURCES

ABSTRACT. The article discusses the methodological issues related to the study of the processes of production activities. The work is based on the field materials collected by the author in 2018 in the Zhigansk village, the Republic of Sakha (Yakutia). The certain place is situated in the middle part of the Lena river, so it creates its' economical and socio-cultural peculiarities which can be expressed as “this is not big land yet, however, this is not still island”. The main research tool is the component analysis of the production activity considered through a combination of places, movements, materials / resources and rhythms. Applying this approach to ethnographic material, the author is confronted with specific properties of ethnographic objects and social morphology, which imply consideration of not isolated production processes, but sequences of combinations of activity elements are connected with each other. In the last part of the article the author concludes that using the approach we (as researchers) fixate – during the process of human (and non-human) activity — interesting fact of objects and reasons combinations which have totally different natures. This situation leads author to the necessity of changing current scholars' methods in order to find, describe and comprehend interweaves of different elements which lead humans' activity exist.

KEYWORDS: production activities, elements, places, movements, materials, resources, rhythm

NIKOLAY S. GONCHAROV — Junior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: gonni@kunstkamera.ru, nikola.gon4arov@yandex.ru